

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080035236-6

«ЗАМИРЕНИЕ» КАК ФОРМА НЕВОЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО И ОСМАНСКОГО АЗОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

© 2025

Д.В. СЕНЬ ^а

^а – Институт истории и международных отношений ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0002-5222-4685; dsen1974@mail.ru

Резюме: Цель статьи состоит в установлении новых фактов из истории традиционных для Войска Донского и османского Азова форм пограничных взаимоотношений. Речь идет о таких взаимоувязанных явлениях пограничной жизни в Северо-Восточном Приазовье, как «замирение» и «розмирение». Акцент сделан на изучении соответствующих процессов первой половины XVII в., когда стороны активно конфликтовали, вплоть до исключительного обострения ситуации в 1637 г. – середине 1640-х гг. На повестке дня вопросы о степени интенсивности «замирения» в пространстве местной пограничной жизни, об эволюции форм и условий переговорного процесса указанного периода. Приводятся новые данные о материальной составляющей в ходе перемирий, тяжесть которой лежала на турках-османах. Исследуются такие важные вопросы, как поводы к заключению мировых соглашений и основания для их нарушений. В статье актуализирована исследовательская проблема о происхождении и составе важных медиаторов переговорного процесса – мировициков, представлявших обе стороны.

История «замирений» показана на фоне амбивалентных ритмов османо-казахских отношений, вписанных автором в пространство пограничной дипломатии, не всегда контролируемой Москвой и Стамбулом. Исследована роль российских дипломатов (путь которых в Стамбул пролегал через Азов) в организации и реализации переговорного процесса донских казаков и турок-османов. Исследование опирается на широкий круг письменных исторических источников, часть которых впервые вводится в научный оборот. «Замирения» казаков и турок-османов (как умение договариваться друг с другом в условиях вынужденного соседства), положительно влияло на их способности к выживанию в условиях ограниченной ресурсной базы. Аргументирован вывод о естественном характере военных и невоенных форм пограничного взаимодействия донских казаков и турок-османов. Доказывается, что в целях системного изучения османо-казахского взаимодействия необходимо исследовать историю не только военного противостояния сторон, но и других явлений местной пограничной жизни.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, Азов, Войско Донское, Османская империя, пограничная дипломатия

Для цитирования: Сень Д.В. «Замирение» как форма невоенного взаимодействия Войска Донского и османского Азова в первой половине XVII в. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 224–236. DOI: 10.31696/S086919080035236-6

**“ZAMIRENIYE” (PEACEMAKING) AS A FORM OF NON-MILITARY
INTERACTION BETWEEN THE DON COSSACK HOST AND OTTOMAN AZOV
IN THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY**

© 2025

Dmitriy V.SEN^a

^a – Institute of History and International Relations,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0002-5222-4685; dsen1974@mail.ru

Abstract: *The aim of the article is to discover new facts from the history of the traditional forms of border relations between the Don Cossack Host and the Ottoman Azov (“zamireniye” and “rozmiireniye”), studying the processes and events of the 17th century, up to a serious escalation in 1637 – the middle of the 1640s. The article discusses questions about the practices of “zamireniye” in the space of local borderline life, evolution of forms and conditions of the diplomatic process. New data is provided on the material component during the conclusion of the truces, the burden of which laid on the Turks. Important questions, such as the reasons for concluding agreements, their duration and grounds for violation are investigated. The article actualizes the problem of the origin and composition of the main mediators of the process – peacemakers representing both sides.*

The story of the “zamireniye” is presented against the background of ambivalent rhythms of Ottoman-Cossack relations, placed in the context of border diplomacy not always controlled by Moscow and Istanbul. The article also examines the role of Russian diplomats in organizing and implementing the negotiation process between the Don Cossacks and the Ottoman Turks. The “zamireniye” between the Cossacks and the Turks had a positive effect on their ability to survive. The conclusion about the forms of border interaction between the Don Cossacks and the Turks is substantiated. It is necessary to pay attention not merely to the military confrontation between the parties, but also to other phenomena of local borderline life.

Keywords: North-Eastern Azov Sea region, Azov, Don Cossack Host, Ottoman Empire, border diplomacy

For citation: Sen’ D.V. “Zamireniye” (Peacemaking) as a Form of Non-Military Interaction between the Don Cossack Host and the Ottoman Azov in the First Half of the 17th Century. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 224–236. DOI: 10.31696/S086919080035236-6

Концептуальное обоснование темы и промежуточные результаты ее изучения представлены в других авторских работах [Сень, 2018(1); 2018(2); 2024]. XVII в. стал главным по продолжительности и интенсивности периодом в истории «замирений» Войска Донского и османского Азова. Учитывая, что эта традиция существовала с перерывами более полутора веков (вторая половина XVI в. – первая половина 1730-х гг.), представляется актуальным и целесообразным ее дальнейшее изучение в пределах более «коротких» временных отрезков. Поскольку ранее автором проведена работа по изучению истории указанного явления второй половины XVII в., то актуально обратиться к «замирениям» первой половины столетия. Цель статьи – установить новые факты из истории традиционных для донских казаков и азовцев «замирений», учитывая необходимую динамику других явлений местной пограничной жизни. В частности, в первой половине XVII в. Войско Донское и османский Азов активно конфликтовали, вплоть до исключительного обострения ситуации в 1637 г. –

середине 1640-х гг. Реализуемый в статье подход поможет впоследствии установить общее и особенное в истории анализируемого явления, развивавшегося на протяжении всего XVII в. Автор исходит из того основания, что «замирения» являлись органичной частью не только отдельно взятой казачьей традиции, но и всей местной пограничной жизни, выгодной ее основным участникам. Заключаемые «замирения» отличались не только повторяемостью, но и развитием соответствующих форм и процедур, например, появлением на каком-то этапе т.н. мирных грамот, оформлявших итоги устной коммуникации противников. Наконец, «замирения» могли нарушаться (несмотря, казалось, на их обязывающий характер), причем обе стороны ситуативно находили этому свои объяснения.

Исследование «замирений» между донскими казаками и турками-османами из Азова составляет один из наименее изученных вопросов их длительного пограничного сосуществования. Пространство пограничного диалога «вековых врагов» все время было представлено различными формами военной и невоенной коммуникации (пограничная дипломатия, «обмен населением», торговля/работоторговля и пр.), выгодными для обеих сторон и активно поддерживаемыми ими. Эти формы являлись составляющими *ритмов* казачье-османских взаимоотношений в регионе, динамика которых пока не получила должного освещения в историографии. Заявленная тема имеет прямое отношение к изучению русско-турецких отношений. Уже во второй половине XVI в. взаимоотношения казаков и азовцев (их пребывание в состоянии «замирения»/«розмирения») стало одним из факторов обеспечения безопасности русских/османских дипломатов, на время останавливавшихся в Азове. При этом стоит заметить, что речь не идет об уникальности «замирений» ни для истории пограничной дипломатии самих донцов (замирявшихся с калмыками и с кубанскими ногайцами еще в последней трети XVII в.), ни для других казачьих сообществ (например, для Войска Запорожского Низового в его отношениях с Крымским ханством).

Н.Л. Янчевский категорично писал о том, «что касается взаимоотношений с Азовом, то в данном случае война являлась нормальным положением, а мир – исключением из этого правила» [Янчевский, 1930, с. 183]. С.Г. Сватиков высказался в пользу мнения о самостоятельной политике донцов по отношению к Азову, с которым они вели войну в течение почти двух веков: «Масса грамот была послана на Дон с увещеваниями не вести войны с Азовом, или ради того, чтобы послы могли проехать из Турции или в Турцию, или во имя общерусской политики» [Сватиков, 1924, с. 67]. Он же верно увязал длительность такой борьбы с выработкой сторонами «своеобразных форм сношений», включая ведение переговоров мировщиками, размеры выплат азовцами в пользу донцов, существенные условия, вносимые в мировые грамоты [Сватиков, 1924, с. 67–68]. А.А. Новосельский верно писал о том, что «несмотря на частые военные столкновения казаков с Азовом, мирные сношения с ними тоже существовали; выработался своеобразный *modus vivendi*, благодаря которому возможен был мирный торг с Азовом. Более того, военная добыча казаков сама же служила предметом торгового обмена с Азовом» [Новосельский, 1948, с. 212]. Современный ученый Н.А. Мининков отметил, что «зачинщика “задоров” между донскими казаками и азовцами назвать едва ли представляется возможным... Но, кто бы ни был зачинщиком столкновений, они стали принимать характер ежегодной перманентной войны, прерывавшейся лишь на короткое время путем установления неустойчивого перемирия...» [Мининков, 1998, с. 349]. Общая историографическая ситуация такова, что конфликтным формам осmano-казачьего взаимодействия в науке уделяется гипертрофированное внимание, несмотря на *обобщающие* названия некоторых крупных трудов [Куц, 2014]. Данный подход не способствует развитию перспективных тематических исследований и системных интерпретаций эмпирического материала.

Традиция «замирений» азовских турок-османов и донцов уходит корнями во вторую половину XVI в.; московские и османские дипломаты, в т.ч. посещавшие Азов, имели прямое отношение к ее закреплению/развитию [Мининков, 1998, с. 284; Янчевский, 1930, с. 162; Сухоруков, 2001, с. 79–80, 82–85; *Акты*, 1891, с. 4–5; *РГАДА*, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 393 об.–394]. Так, посланник Б. Благово говорил кафинскому паше в 1585 г. о том, что он, пребывая в Азове, «им (донским казакам. – Д.С.) перед азовским князем заказал накрепко, чтобы казаки не воровали и жили с Азовом смирно, да и азовскому князю о том говорил же, чтоб азовской князь по тому ж казаком задору чинить не велел, и казаки по се места жили смирно с Азовом» [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 465]. При этом и тогда, и в более ранний период между казаками и азовцами периодически случались столкновения [Мустакимов, Сень, 2010; 2012]. Уже в начале 1590-х гг. «замирения» представлялись обычаем самим казакам; причем азовцы и тогда, и позже *первыми* присылали на Дон для переговоров о мире [Сухоруков, 2001, с. 84; *РГАДА*, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 231–232, 241; *Статейный список*, 1850, с. 14]. От периода 1560-х – 1590-х гг. в более позднее время перешло целование креста донцами [*Служба*, 2015, с. 34], шертование азовцев [*Служба*, 2015, с. 34, 66], обмен аманатами, отправка друг другу мировщиков («лучших людей») и некоторые другие «архаичные» элементы [Сухоруков, 2001, с. 85]. Среди ранних форм «замирения» казаков и турок-османов отсутствовала письменная фиксация соответствующих условий; скорее всего, договоренности первоначально заключались устно – путем публичного объявления выработанных условий. По всей видимости, клятвы казаков и целование ими креста, клятвы мусульман на Коране знаменовали собой не только завершение переговорного процесса, но и подтверждали условия «замирения» как сделки, изначально совершавшейся устно.

События первой половины XVII в. привнесли немало нового в процедуры «замирений» и «розмирений». Среди причин – объединительные процессы в сообществах донских казаков и формирование единого Войска Донского, развитие его политической культуры и увеличение военного потенциала; усиление контроля Москвы над жизнью Войска, включая участвовавшие контакты с османским Азовом (в т.ч. столкновения), а также активизация русско-османских дипломатических контактов после завершения Смуты. Когда 26 октября 1613 г., по данным В.Д. Сухорукова, на Дон прибыли царские посланники С.Б. Протасьев и дьяк М. Данилов, то казаки, выслушав царские грамоты, «беспрекословно заключили мир с азовцами, дабы не препятствовать его делам с Портою; проводили посланника в Азов *со всеми обрядами...*» (курсив мой. – Д.С.) [Сухоруков, 2001, с. 109]. В Азове не оказалось тогда паши (он отбыл в Кафу), и дипломатам пришлось общаться с азовскими агами и «приказными людьми». Они заявили посланникам о том, «чтоб донские атаманы и казаки были с ними в миру и задоров никаких не чинили» [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, 1613 г., д. 2, л. 14]. Посланники уверяли азовских турок-османов в том, что казакам известно о царском указе жить в мире «до тех мест» (т.е. до того времени/срока), пока посланники не вернутся из «Царя-города» в Азов [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, 1613 г., д. 2, л. 14]. О том же посланники «накрепко» говорили донским атаманам и казакам, которые сказали, «что они... с азовскими людьми в миру быть однолично рады...» [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, 1613 г., д. 2, л. 15]. Затем посланники писали казакам из Азова о необходимости быть в миру с азовцами, «покаместа мы из Царя-города сходим», будучи отпущены «за море» из крепости только 5 ноября 1613 г. [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, 1613 г., д. 2, л. 15]. В царской грамоте от 18 марта 1614 г. одобрялись действия казаков, которые «по нашему указу с Азовскими людьми учинились мирны до тех мест, покаместа наши посланники назад из Царя-города придут» [*Донские дела*, 1898, стб. 63–64, 66].

Очередная грамота казакам с требованием замирииться с азовцами была написана на Дон в связи с отправкой в 1615 г. в Стамбул через Азов царских посланников П. Мансурова

и С. Самсонова. Ее содержание перекликается с предыдущими подобными грамотами [Сухоруков, 2001, с. 118]. Важнее другое – конфликт между казаками и азовцами в мае 1616 г. по поводу замирения высветил существенные стороны интересующего нас явления. Во-первых, без заключения перемирия санджакбей отказывался отпускать царских посланников из Азова морем в Стамбул. Во-вторых, конфликт разгорелся после того, как донцы, по словам азовского санджакбея Али, попытались изменить традиционные условия, на которых заключалось очередное перемирие. Оказалось, что «мимо обычей» (предполагавшего передачу азовцами казакам котлов, сетей и соли) казаки «просят на перемирие трех человек казаков, и то всчинают ново... да и статца тому не мочно» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1615 г., д. 4. л. 25]. Выходит, с течением времени процедуры и условия «замирений» менялись; в описываемое время они включали в себя не только элементы, о которых шла речь выше.

В ходе заключения повторного перемирия (после того, как 14 июня 1616 г. состоялось «первое» перемирие и посланники отбыли в Стамбул, см.: РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1615 г., д. 4. л. 39) азовцы уплатили донским казакам, помимо котлов, сетей и соли, также 1 тыс. золотых! [Сухоруков, 2001, с. 122]. Великий везир Мегмет-паша затем обмолвился в разговоре с посланниками о том, что *«преж сего»* (курсив мой. – Д.С.)... государя нашего (т.е. султана. – Д.С.) по указу азовские люди донским казаком для перемирья даывали 1000 золотых, да сети, и котлы, и соль» [Сухоруков, 2001, с. 122]. После отбытия посланников в Стамбул, продолжал везир, азовцы передали казакам 1 тыс. золотых, котлы, соль, сети «и с казаки было на том помирились, и крестным целованьем *укрепились* (курсив мой. – Д.С.), что было им с азовцы жити в миру и никаких задоров и шкоты не чинити и на море для воровства и добычи не ходити...» [Сухоруков, 2001, с. 122]. Однако затем казаки поступили якобы вероломно – они, по словам великого везира, выманив у азовцев ценности и нарушив крестное целование, «немного спустя с азовцы розмирились, и под Азовом и на Миусе государя нашего людем многие убытки починили, и корабли погромили, и людей посекали...» [Сухоруков, 2001, с. 122; Мининков, 1998, с. 161].

Можно полагать, что уплата азовцами котлов, сетей, соли и, вероятно, крупной суммы золотом составляла часть условий, при которых донцы с течением времени стали заключать обоюдные «замирения». По ряду признаков можно судить о том, что подобный состав азовских «выплат» («оброка») сформировался до 1616 г., причем не исключено, что уже во второй половине XVI в. Возвращаясь к заключению 14 июня 1616 г. «замирения» во время пребывания на Дону П. Мансурова и С. Самсонова, заметим, что обе стороны следовали традиции, включавшей в себя участие в процедуре «лучших людей». Войско Донское отправило в Азов своих мировщиков, которых оказались атаман В. Черный, атаман Г. Стародуб и В. Болдырь [Сухоруков, 2001, с. 120]. Обменявшись аманатами и согласовав условия перемирия, стороны замирились; при этом казаки «привели к шерти *лутчих людей* (курсив мой. – Д.С.), а азовцы привели к крестному целованью атамана Василья Черного с товарищи...» [Сухоруков, 2001, с. 120]. Когда же П. Мансуров и С. Самсонов возвращались обратно, выяснилось, что азовцы и Войско Донское пребывали в состоянии «розмирения». Согласно данным В.М. Пудавова, 1 августа 1617 г. в Черкасский городок приехал из Азова «толмач (переводчик) и в течении двух дней условился с атаманами, чтобы они послали от себя полномочных к Азову “на съезд”, договориться о мирном постановлении и аманатами разменяться, по обычаю» [Пудавов, 1898, с. 57]. Переговоры между казаками и азовцами начались в августе 1617 г.; судя по всему, они были вновь инициированы османской стороной. На Дон последовала царская грамота от 26 сентября 1617 г., повелевавшая, чтобы казаки «помня... ц[а]рское к себе жалованье... и свое обещанье, и кр[е]стное свое целованье, с Азовом помирились, чтоб посланников н[а]ших турской (султан. – Д.С.) затем, что

вы с Азовом в розмирье, не задержал...» [Служба, 2015, с. 10]. Грамоту отвозил дворянин Н.И. Чаплин, которому повелевалось не только примирить казаков и азовцев «всякими мерами накрепко», но и добиться возвращения без окупа османской стороне паши, ранее захваченного донцами [Сухоруков, 2001, с. 126–127]. Его действия увенчались успехом; причем, когда царские посланники в сопровождении двух султанских чавушей прибыли в Азов в июле 1618 г., казаки и азовцы все еще сохраняли перемирие [Сухоруков, 2001, с. 129].

Что касается ценностей, о которых шла речь выше, то в пределах XVII в. упоминания о многих из них неоднократно встречаются в письменных источниках. Когда 29 июня 1643 г. донские казаки прислали к царским посланникам войскового есаула А. Васильева «с тем, что они с Азовцы помирились», то сказали, что «для Великого Государя... прежние свои запросы, что они имали с Азовцов котлы и сети и ясыри и золотые (курсив мой. – Д.С.), того они всего Азовцом поступились» [Статейный список, 1850, с. 18]. Правда, в интересующем нас перечне не упомянута соль, но зато сказано о *ясырях* (т.е. о полоняниках). Такое решение донских казаков было воспринято в Москве с одобрением; в тексте царской грамоты от 30 августа 1643 г. находим: «А дани (курсив мой. – Д.С.) на Озовских людех, что вы им дали *преж сего* (курсив мой. – Д.С.) на них, тово им всево поступились» [Донские дела, 1906, стб. 463]. В войсковой челобитной, поданной в Посольском приказе 8 февраля 1650 г., казаки описали ситуацию, связанную с заключением мира с азовцами в 1648/1649 г. Поводом для очередного «замирения» послужило возвращение из Стамбула в Москву через Азов царских послов [Донские дела, 1913, стб. 347]. После их прибытия в Азов донцы «тотчас» сослались с азовцами и «об мировом деле стали сходитца» [Донские дела, 1913, стб. 348]. Однако те не стали мириться «против прежних миров», потому что «у старых Азовцев мы... бирали на миру по десяти человек Русково полону, и на станицы золотые, и котлы большие, неводы и нити на илымы рыбные, и соли по три котчаря¹ на станицу» [Донские дела, 1913, стб. 348]. Характерно, что донцы вновь апеллируют к *прошлому*, когда азовцы отдавали людей, ценности и пр. Отмечу повторяемость сведений о ясырях. Вероятно, после неудачной попытки донцов в 1616 г. добиться их передачи, казакам все же удалось выполнить данное условие. Во время же событий, описанных в войсковой отписке 1650 г., азовцы *отказались* передать казакам людей и прочее, «потому что им то не нужно, хотя бы послы у них в Азове и зазимовали» [Донские дела, 1913, стб. 348]. Донцы были вынуждены поступиться привычными условиями «замирения» («...ничего с них, бусорманов, не имали, а послов принели у них») отпустив в сопровождении казаков в Москву [Донские дела, 1913, стб. 348].

Отправка царских послов и посланников из Москвы в Стамбул через Азов, их пребывание на Дону оставались существенными факторами организации сторонами очередного «замирения»; в свою очередь, успех едва ли не каждой посольской миссии в немалой степени зависел от (не)заключения перемирия между казаками и азовцами. Взаимосвязь между таким положением дел на Дону и дальнейшей отправкой в Азов царских дипломатов неоднократно подчеркивалась в царских грамотах на Дон [Служба, 2015, с. 15, 21]. Войско Донское это отлично понимало, стараясь не поступаться своими интересами в отношениях не только с Азовом, но и с Москвой! Когда решался вопрос о заключении перемирия с азовцами, то на круге донцы «принимали азовских “мировщиков” и назначали своих “мировщиков” для поездки в Азов. Так было в 1622 г., когда затянувшаяся ожесточенная война между казаками и азовцами задерживала на Дону русских посланников И. Кондырева и Т. Бормосова, которые не могли вследствие этой войны продолжать свой путь в Турцию»

¹ Правильно – «контаря»; один контарь равнялся примерно 41 кг. Следовательно, на одну станицу приходилось более 120 кг соли.

[Мининков, 1998, с. 284]. При этом продолжала функционировала та часть традиции, согласно которой турки-османы первыми начинали переговоры о мире с казаками.

Когда посланники передали казакам 20 июля 1622 г. в Монастырском городке царские грамоты и жалованье, то, следуя наказу, стали говорить о том, что пока они будут «в Азове, в Кафе и на море в Царь-городе», казаки жили бы в миру с «азовскими людьми» и «задоров никаких азовским людям не чинили и *приезжали б к Азову мирно* (курсив мой. – Д.С.)» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 4]. Посланники подчеркнули, что привезли на Дон царское жалованье «свыше прежнего» (в другом месте их статейного списка находим, что оно оказалось вдвое больше прежнего [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 7]), снова упомянув о пагубности казачьих действий против подданных турецкого султана [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 5]. Общаясь с посланниками, донцы признавали, что на тот момент «с азовцы де мы живем не в миру, и ныне де нам не управя с азовцы, помиритца нельзя и вас в Азов вскоре отпустить нельзя для того, что азовцы за крестным целованьем учинили им грубости многие и побили у них казаков лутчих многих людей» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 4]. В ответ послы вновь обратили внимание казаков на их действия против турок-османов вопреки указу, заявив о необходимости замириться с азовцами и сопроводить их в Азов вместе с султанскими посланниками! [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 6]. Однако на следующий день казаки во главе с атаманом И. Мартемьяновым отправились на море против турок-османов, вернувшись в Монастырский городок 26 июля с богатой добычей. На этом фоне казаки заявили посланникам о том, что им «у азовцов миру прошать нечево, а бу(де) де азовцы пришлют к нам и учнут миру прошать у нас и мы де с ними миритца учнем, а вам бы ныне о своем походе в Азов сослатца самим мимо нас...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2. ч. 1, л. 10]. Казаки не торопились замиряться с азовцами; посланники с горечью писали о том, что донцы «нам, холопом твоим, манят со дни на день, что они с азовцы помирятца, а не мирятца... И того... мы, холопи твои, не ведаем, сколько нашего житья у казаков будет...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 107]. Более того, казаки осмелились препятствовать коммуникации посланников с царем; дошло до того, что цитируемую выше описку И. Кондырев и Т. Бормосов оправили с Дона, «от казаков утаясь» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 107]. Москва, хотя и с опозданием, снова пыталась давить на донских казаков [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 155–156]. И. Кондырев и Т. Бормосов тоже оказывали давление на Войско Донское, придя в казачий круг, после чего казаки заявили, что «они с азовцы миритца учнут» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 103].

Посланники оперативно известили турок-османов о намерении казаков, «и они б из Азова прислали х казаком мировщиков, кому оне верят, и с казаки б о всем договорились»; причем «казаки к азовским людям от себя о миру писали ж...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 106]. В который раз встречаем упоминание о мировщиках, без которых не обходилось ни одно перемирие, без которых, собственно говоря, оно не могло быть заключено. Таким образом, необходимо выявлять новые данные о мировщиках, как казачьих, так и османских из Азова, изучая общее и отличительное в истории «замирений» за первую и вторую половину XVII в.

В конце июля (или в начале августа) 1622 г. на Дон отправился мировщик из Азова Мустафа Картавый, «которой приезжал в казачьи юрты... мирити казаков с азовцы». Оказалось, что он – «старой азовской мировщик, и наперед сего донских атаманов и казаков *всегда с азовцы миривал* (курсив мой. – Д.С.)» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 118]. Но на этот раз донцы не поверили Мустафе Картавому «в мирном постановень... а сказали, что за его миром азовцы николи с ними в миру не устаивают, и мир свой нарушают, и оставили его у себя» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 119]. Для предварительных

переговоров с азовцами Войско Донское отправило с грамотой атамана В. Черного и толмача И. Скору (их статус имеет отношение к решению вопроса о «лучших людях» в ходе замирения сторон). Обращает на себя внимание фигура одного из казачьих мировщиков – В. Черного, известного донского атамана, бывавшего в османском Азове в подобном статусе [Сухоруков, 2001, с. 120]). Выскажу гипотезу о том, что толмачи Войска Донского [Сухоруков, 2001, с. 86] и османского Азова [Донские дела, 1906, стб. 745; Моисеев, 2019, с. 65] играли определенную роль в переговорном процессе, сопровождавшем заключение казаками и азовцами перемирий. В некоторых случаях толмачи Войска Донского выступали в роли мировщиков, но происходило ли это регулярно – пока сказать трудно. Донцы желали, чтобы азовцы «прислали с ними о миру говорить, и в заклад дали лутчих азовских людей кому можно верить, и за кем бы был мир крепок» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 119]. В том же документе перечислялись предварительные условия будущего «замирения», в т.ч. сроки, в течение которых его следовало заключить [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 119–120]. По данным И. Кондырева и Т. Бормосова, мировщики Войска Донского огласили, «чтоб им атаманом и казаком с азовц[ы] н[ы]нешнюю осенью, и зиму, и до весны жить в миру, и торговать бы ездить на обе стороны, и нас бы, холопей твоих, в Азов принять, и из Азова б отпустить в Ц[а]рьгород» [Служба, 2015, с. 37; см. также: РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2, ч. 1, л. 16–17].

Переговоры о мире продолжались между 8 и 12 августа 1622 г. На Дон приезжали лучшие азовские татары (такие же «лучшие люди» участвовали в шертовании ногайцев перед Войском Донским [Донские дела, 1898, стб. 973]), «а в Азов ездили атаманы и казаки лутчие ж». Перед нами – одно из первых свидетельств, указывающих на этническую принадлежность мировщиков из Азова («азовские татары», т.е. ногайцы). После того, как в августе 1622 г. был заключен очередной договор, обе стороны «на том на всем учинили меж себя веру, азовцы шертовали в кругу у атаманов и у казаков перед ними. А донские ата[ма]ны и казаки кр[е]ст целовали в Азове *да и письмом де в том меж себя укрепились и розменялись* (курсив мой. – Д.С.)» [Служба, 2015, с. 34]. После заключения замирения между Азовом и Войском Донским посланники смогли выехать в Азов «за два дни до Успеньева дни после обеда» (т.е. 12 августа), прибыв в крепость 14 или 15 августа 1622 г. Судя по всему, посланники отбыли из Азова морем в Кафу не ранее 8 сентября 1622 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622 г., д. 2, ч. 1, л. 27]. Значение столь важного источника состоит в описании обязательных для сторон процедур, включая обоюдные клятвы и обмен (размен) мировыми грамотами. Полагаем, что размен предполагал составление сторонами и передачу друг другу *двух* документов (мировых грамот), аналогичных (идентичных?) по содержанию и написанных на разных языках. Уникальность приведенного выше случая состоит и в том, что перед нами одно из первых свидетельств того, что к составляющим османско-казачьих «замирений» добавилась письменная форма фиксации их условий. В истории наблюдаемого явления это была новация, скорее всего, именно первой половины XVII в.

В течение 1620-х гг. «замирения» и «розмирения» не раз сопровождали пограничную жизнь казаков и азовцев [Сухоруков, 2001, с. 51, 152; Донские дела, 1898, стб. 219; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 1–2, 5], причем не всегда в контексте посольских дел. Смысл очередной царской грамоты сводился к тому, чтобы казаки «с Азовцы однолично были в миру, и на море для добыч под Турского и под Крымского городы и улусы не ходили, и катарг не громили, и никаких задоров им не чинили, и во всем с ними были мирны, тем бы есте нам службу свою показали...» [Донские дела, 1898, стб. 223]. Очередное нарушение со стороны казаков царского запрета вызвало в 1625 г. жесткий ответ и ссылку атамана А. Старого «с товарищи» на Белоозеро [Донские дела, 1898, стб. 246–256]. Не помог «наивный» аргумент казаков, что пока посланники ходят в Царьград и обратно, то «оне в то

время по ево государскому повелению с Азовом живут мирны, и на море не ходят... А коли во Царе-городе государевых посланников не бывает, и они по задору Азовских людей под Азов, и на море, и под Турского города ходят» [Донские дела, 1898, стб. 241]. Тема «замирения»/«розмирения» донских казаков и азовцев вновь актуализовалась в связи с отправкой царских послов С.Д. Яковлева и П. Евдокимова в Стамбул в марте 1628 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 76, 80; Донские дела, 1898, стб. 281–286]. 28 сентября 1628 г. с Дона в Москву вернулся А. Блохин, ранее отправленный по царскому указу на Дон проводить новые вести о царских послах и Ф. Кантакузине. Послов, отбывших из Азова в Стамбул 15 июля 1628 г., он не застал, но собрал разную информацию, т.ч. о состоянии отношений между казаками и азовцами. Так, донцы говорили, что «только де послы придут назад сей осени, и они де их выпроводят на Русь сей ж осени» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 122]. Что касается отношений с азовцами, то казаки «учинили мир с азовцами до тех мест, как государевы послы придут назад. И ныне меж их задоров никаких нет и съезжаютца и меж себя торгуют» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 122].

Мы располагаем сведениями, позволяющими уточнить время заключения тогдашнего «замирения». 6 (?) декабря 1628 г. донской войсковой атаман В. Фролов «с товарищи» писал астраханскому воеводе Я. Буйносову-Ростовскому «с товарищи» о том, что 20 июня 1628 г. «донские атаманы и казаки учинились в миру с азовскими людьми» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г, д. 1, л. 2]. Очередное замирение сторон и на этот раз оказалось заключено до отъезда царских послов из Азова, что соответствовало давней традиции. Весьма жесткой оказалась очередная царская грамота на Дон от 2 июля 1629 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 236–242]. Сведения о «розмирении» донцов и азовцев, полученные от присланного в Москву атамана И. Косого «с товарищи» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 236] вызвали недовольство царя и патриарха. Казакам адресовалась прямая угроза: «А будет вы атаманы и казаки сего нашего указу не послушаете, с азовцы тотчас не помиритеся и на море вперед учнете ходить... и вам от нас быть в великой опале, а от отца нашего, великого государя... патриарха Филарета Никитича Московского... *быть в вечном запрещении и жаловать нам будет вас не за что* (курсив мой. – Д.С.) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1628 г, д. 2, л. 242–242а]. В 1628–1629 гг. царские власти отправили на Дон несколько грамот, активно интересуясь не только положением своих послов, но и состоянием османо-казачьих отношений на Дону. Примечательна царская грамота от 6 октября 1629 г., которую «чернил» патриарх Филарет! Она напоминала казакам о предыдущих запретах «воевать» владения султана, о необходимости жить в мире с азовцами, об их «розмирье» с ними весной 1628 г. и пр. Донцам повелевалось: «...и вы-б, атаманы и казаки, однолично с Азовцы помирились, и на море не ходили, и Турского салтана городов и сел и деревень и Крымских улусов не воевали, и не задирались ничем...» [Донские дела, 1898, стб. 312–313].

В ходе очередного царского посольства в Стамбул 1630–1631 гг. (во главе с послами А. Совиным и М. Олфимовым (Алфимовым)) вновь возник традиционный для османо-московской дипломатии вопрос – об очередном замирении казаков с Азовом. 31 августа 1630 г. послы и османский «посол» Ф. Кантакузин дали о себе знать в Азов паше Умер-бею. В начале сентября 1630 г. мировщиками от Войска Донского выступили донские казаки Тимоха Плюхин и некий Лямка, а «из Азова де прибежал к ним на Дон азовской татарин Байрамлеем зовут...», передавший слова Умер-бея об условиях встречи в Азове царских послов Ф. Кантакузина [Служба, 2015, с. 54]. 4 сентября 1630 г. «азовской Умер-бей, и чербачей, и кады, и аги» направили на Дон азовского «жильца» Дергатку «на договор х казаком о миру» [Служба, 2015, с. 56]. Войско Донское письменно уведомило азовцев о необходимости прислать «мировщиков, которые с ними миривались наперед сего» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г, д. 4, л. 19]. 8 сентября из Азова прислали «о миру на договор мужика, не

тово, которой их миривал наперед того» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 19]. «Мужик» не устроил казаков и его отослали в Азов: «...а с тем мужиком им не мириватца потому, что преж сего у них за миром тово мужика азовцы у них многих казаков побили и они ему не верят» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 19]. По словам послов, казаки снова написали в Азов, затребовав испытанного мировщика – татарина Мармалейку, «о котором они писали наперед того». Мармалейка приехал в Войско Донское 11 сентября 1630 г. «о миру на договор, а два казачьих мировщика – в Азов [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 20]. 18 сентября 1630 г. казачьи мировщики вернулись на Дон, сказав послам, «что они с азовцы помирились» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 21]. На обратном пути следования послов через Азов в 1631 г. казаки вновь замирились с азовцами; мировщиками выступили три казака во главе с А. Ломом [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 248]².

Важный сюжет, связанный с историей «замирения»/«розмирения», относится к предыстории взятия донскими и запорожскими казаками османского Азова летом 1637 г. Османский «посол» Ф. Кантакузин прибыл в Азов 18 ноября 1636 г., после чего «казаки с Озовцы мирились и мировщики учели съезжатца перед Николиным же днем (т.е. 6/19 декабря) 1636 г. – Д.С.)» [Донские дела, 1898, стб. 554]. Переговоры начались было по привычному для сторон «сценарию». Но донцы выдвинули неприемлемые условия, запросив «без окуп» русских полоняников, находившихся в Азове [Куц, 2014, с. 52]; азовцы отказались и мир не был заключен. Не исключено, что казаки намеренно прибегли к завышенным требованиям (как к одному из условий для «замирения»), вызвавшим законное возмущение азовцев, вынашивая далеко идущие планы против Азова. По точному выражению О.Ю. Куца, «походу казаков на Азов весной 1637 г. способствовала не только общая благоприятная обстановка, но и крайнее обострение отношений казаков с азовцами, тогда как в иные времена бывал между ними и мир» [Куц, 2014, с. 53].

События «Азовского взятия» и Азовского осадного сидения (1637–1641 гг.) привели к существенному ослаблению Войска Донского. Очередные царские послы в Стамбул – стольник И. Милославский и дьяк Л. Лазоревский (Лазаревский) – вручая грамоту 4 июня 1643 г. в Раздорах, сказали, чтобы казаки «с Азовцы не задирались, жили с ними смирно... А как с Азовскими людьми учнут говорить о перемирье, и им выговаривати и укрепляти всякими мерами накрепко, чтоб они на Государевы Украйны войною не ходили... а с Азовцы б они однолично жили в миру» [Статейный список, 1850, с. 6]. Войсковой атаман И. Каторжный и казаки отвечали, что «они с Азовцы ныне живут не в миру, да и жити им с ними в миру ныне немочно» [Статейный список, 1850, с. 7]. Послы настаивали на своем, связывая будущее перемирие с отправкой их в Азов, чтобы казаки «проводили их Царского Величества послов честно по прежнему». На этот раз мировщиком от азовцев выступил «татарин Арасланка» [Статейный список, 1850, с. 17–18], причем донцы «прежние свои запросы, что они имали с Азовцов *котлы и сети и ясыри и золотые* (курсив мой. – Д.С.), того они всего Азовцом поступились» [Статейный список, 1850, с. 18]. Выходцы из Азова на Дон также сообщали Москве после 30 ноября 1643 г. о том, что «...у азовцов мирно, как они для пропуску государевых послов меж себя помирились, и у них после того розмирья не бывало, *друг з другом съезжаютца* (курсив мой. – Д.С.). И впред до тех мест, как государевы послы назад будут, розмирья не чаят же, потому что у них на том помирились» [Опарина, 2019, с. 250]. В ходе расспросов выходцев из Азова выяснилась важная деталь об одном из них – о ранее перешедшем в мусульманство греке Карпе Степанове, который был мировщиком, «и азовских людей з донскими атаманы и казаки миривал» [Опарина, 2019, с. 256].

² Его тоже можно отнести к «лучшим» донским казакам [Донские дела, 1898, стб. 345; Служба, 2015, с. 58].

Исследование показало, что «замирения» донских казаков и турок-османов из Азова носили в первой половине XVII в. регулярный характер. Несомненна их связь с истоками того же самого явления, берущего начало во второй половине XVI в. Сочетание «замирений» с «розмирениями» позволяет ставить на повестку дня новый вопрос о ритмах османок-казачьих отношений в регионе, об учете эмпирического материала, ранее часто игнорировавшегося в науке. Доказано, что сами казаки относились к «замирениям», как к правовому обычаю и к традиции. Имеются основания полагать о подобном отношении к явлению со стороны турок-османов. Стороны были заинтересованы в развитии и совершенствовании «замирений», отвечавших интересам не только российско-османской дипломатии, но и их собственным интересам как местным пограничным сообществам. «Замирения» первой половины XVII в. не только сочетались с элементами аналогичного явления за предыдущий период, но получили новые характеристики (состав уплачиваемых азовцами ценностей и пр.). В тот же период происходила дальнейшая специализация лиц, игравших существенную роль в «замирениях» – мировщиков. Например, за азовскими татарами (ногайцами) постепенно закреплялась ведущая роль в подобной коммуникации с казаками.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [RGADA – Russian State Archive of Ancient Acts].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск: б/и., 1891 [Acts Related to the History of the Don Army, Collected by Major General A.A. Lishin. Vol. 1. Novocherkassk: s.l., 1891 (in Russian)].

Донские дела. Кн. 1. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1898 [Don Affairs. Book 1. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1906 (in Russian)].

Донские дела. Кн. 2. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906 [Don Affairs. Book 2. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1906 (in Russian)].

Донские дела. Кн. 4. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1913. [Don Affairs. Book 4. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1913 (in Russian)].

Куц О.Ю. *Донское казачество времени Азовской эпопеи в 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история.* М.: ООО «Старая Басманныя», 2014 [Kuts O.Yu. Don Cossacks in the era of the Azov Saga in the 1640s: Political and Military History. Moscow: ООО "Staraya Basmannaya", 2014 (in Russian)].

Мининков Н.А. *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.).* Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1998 [Mininkov N.A. Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671). Rostov-on-Don: RSU, 1998 (in Russian)].

Моисеев М.В. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева. *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2019. № 11. С. 60–66 [Moiseev M.V. Azov (Azaq) in 1570 in the Report of the Russian Ambassador Ivan Novosiltsev. Medieval Turkic-Tatar States. 2019. No. 11. Pp. 60–66 (in Russian)].

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков. *Україна в Центрально-Східній Європі.* Вип. 9–10. Київ: ІІІУ НАНУ, 2010. С. 307–326 [Mustakimov I.A., Sen' D.V. Three Ottoman Documents from the 16th Century about the Early History of the Don Cossacks. Ukraine in Central Europe. Issue 9–10. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2010. Pp. 307–326 (in Russian)].

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. *Вестник Танаиса*. Вып. 3. Хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2012. С. 172–189 [Mustakimov I.A., Sen' D.V. Azov and the Don Cossacks According to Ottoman Documents of the 1560s–1570s. *Bulletin of Tanais*. Issue 3. Nedvigovka: Archaeological Museum-Reserve “Tanais”, 2012. Pp. 172–189 (in Russian)].

Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII веке. *Исторические записки*. Т. 26. М.: Издательство АН СССР, 1948. С. 198–216 [Novoselsky A.A. From the History of the Don Trade in the 17th Century. *Historical Notes*. Vol. 26. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1948. Pp. 198–216 (in Russian)].

Опарина Т.А. Документы Посольского приказа о выходцах из Азова (1643 г.). *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 4. С. 242–258 [Oparina T.A. Documents of the Ambassadorial Prikaz on Azov Natives (1643). *Novoe Proshloe / The New Past*. 2019. No. 4. Pp. 242–258 (in Russian)].

Пудавов В.М. *История войска Донского и самобытность начал казачества*. Ч. 2. Вып. I. Новочеркасск: Типография А.Н. Поповой, 1898 [Pudavov V.M. *History of the Don Cossack Host and the Originality of the Cossack Principles*. Part 2. Issue 1. Novochoerkassk: Tipografiya A.N. Popovoy, 1898 (in Russian)].

Сватиков С.Г. *Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону*. Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924 [Svatikov S.G. *Russia and the Don Region (1549–1917). Research on the History of State, Administrative Law and Political Movements in the Don Region*. Belgrade: Izdanie Donskoy istoricheskoy komissii, 1924 (in Russian)].

Сень Д.В. Вынужденное соседство: традиции «замирения/розмирения» Войска Донского и османского Азова. *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.)*. Отв. ред. А.Л. Бойко, Д.В. Сень, А.В. Яровой. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2018(1). С. 170–187 [Sen' D.V. Forced Neighborhood: Traditions of “Zamirenije”/“Rozmirenije” in the Don Host and Ottoman Azov. *War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of Southern Russia (7th Tokarev Readings). Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, May 11–12, 2018)*. A.L. Boyko, D.V. Sen, A.V. Yarovoy (eds.) Rostov-on-Don: Altair, 2018(1). Pp. 170–187 (in Russian)].

Сень Д.В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений в условиях вынужденного соседства. *Казачество в тюркском и славянском мирах*. Отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018(2). С. 225–235 [Sen' D.V. Don Cossacks and Ottoman Azov: The Culture of Border Relations in the Conditions of Forced Neighborhood. *Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds*. V.V. Gribovsky, V.V. Trepavlov (eds.) Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 2018(2). Pp. 225–235 (in Russian)].

Сень Д.В. «Замирения» Войска Донского и османского Азова во второй половине XVII в.: продолжение или угасание традиции? *Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России (к 85-летию профессора В.Н. Ратушняка)*. Отв. ред. В.В. Касьянов, О.В. Матвеев. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 289–311 [Sen' D.V. “Zamirenije” of the Don Host and the Ottoman Azov in the Second Half of the 17th Century: Continuation or Extinction of Tradition? *Questions of the History and Culture of the North Caucasus, the Cossacks of the South of Russia (in honor of the 85th Anniversary of Professor V.N. Ratushnyak)*. V.V. Kasyanov, O.V. Matveev (eds.) Krasnodar: Kuban State University, 2024. Pp. 289–311 (in Russian)].

Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 5. Авт.-сост. В.А. Гусев. Волгоград: б/и, 2015 [Service of the Don Cossacks in the 17th Century: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks. Issue 5. V.A. Gusev (comp.) Volgograd: s.l., 2015 (in Russian)].

Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150 году. *Временник ОИДР*. 1850. Кн. 8. Отд. II. С. 1–136 [List of Articles on the Embassy

of Ilya Danilovich Miloslavsky and Clerk Leonty Lazorevsky to Constantinople in 7150. *Vremennik O IDR* (= *Bulletin of the Society of History and Russian Antiquities*). 1850. Book 8. Section II. Pp. 1–136 (in Russian)].

Сухоруков В.Д. *Историческое описание Земли Войска Донского*. Комментарии, дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова, В.Н. Королева. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001 [Sukhorukov V.D. *Historical Description of the Land of the Don Cossack Host*. N.S. Korshikov, V.N. Korolev (ed., comm.) Rostov-on-Don: GinGo, 2001 (in Russian)].

Янчевский Н.Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930 [Yanchevsky N.L. *Colonial Policy of the Moscow State's Trading Capital in the Don Region in the 16th–17th Centuries*. Rostov-on-Don: Severny Kavkaz, 1930 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕНЬ Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Dmitriy V. SEN', DSc (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.